

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СССР В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

В статье рассматриваются противоречия социально-экономического и политико-правового характера, которые обусловили рост экономической преступности в СССР во второй половине 1980-х годов. Высказывается предположение о негативных последствиях для советской планово-централизованной модели фактической легализации теневой экономики в виде кооперативов и индивидуально-трудоустройств.

Ключевые слова: перестройка, спекуляция, хищения государственной собственности, растраты, взяточничество, антиалкогольная кампания, экономическая преступность.

Развитие ситуации с экономической преступностью в современной России вновь и вновь вынуждает исследователей искать истоки этого явления в прошлом нашей страны.

Перестройка, начатая М.С. Горбачевым, оказала революционное воздействие на все сферы жизни советского общества. Но наряду с позитивными преобразованиями она объективно способствовала дальнейшей криминализации советской экономической системы и общественных отношений.

У криминализации экономики в первой половине 1980-х годов были исторические предпосылки.

С середины 1960-х годов правоохранительные органы СССР все чаще стали фиксировать постоянное увеличение корыстных преступлений в экономической сфере. В 1970-е годы «теневая» экономика продолжала развиваться и вширь, и вглубь. Оценивая масштабы неформального сектора экономики в СССР, известный западный специалист по этой проблеме Г. Гроссман высказал предположение, что доля «теневой» экономики в конце 1970-х годов составляла по отношению к валовому внутреннему продукту 7–8%¹.

«Теневая» экономика ежедневно воспроизводила коррупцию, эти явления взаимно питали друг друга. Коррупцированная часть советского чиновничества и дельцы «теневой» экономики обеспечивали ту социально-экономическую среду, в которой происходило воспроизводство экономической преступности несмотря ни на какие репрессивные меры властей.

Кончина Л.И. Брежнева нарушила сложившийся за многие годы стабильного существования партийной номенклатуры баланс сил и интересов в высшем эшелоне власти. Первые же заявления нового Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова о необходимости «переходить от слов к делу» и «наведения порядка» всколыхнули советское общество. Однако в арсенале нового руководства не было действительно эффективных мер, способных остановить отчетливо обозначившиеся кризисные тенденции, за исключением репрессивных.

Это проявилось в развернувшейся с конца 1983 г. борьбе с тунеядством и хозяйственной преступностью. Согласно сведениям бывшего начальника аналитического управления КГБ СССР Н.С. Леонова, в начале 1980-х годов Министерство внутренних дел СССР впервые зафиксировало появление в стране массового бродяжничества. В 1983 г. были выявлены 390 тыс. взрослых, «не занятых общественно полезным трудом». Это явление выступало ярким диссонансом официальной установке на всеобщую обязанность трудиться, и те, кто не следовал государственной политике всеобщей занятости, подлежал принудительному «трудоисправлению». В том же году были осуждены таким образом 73 тыс. человек. Остальным задержанным посчастливилось «отвертеться» от уголовного наказания, сославшись на то, что они живут временно на содержании родителей, на доходы от приусадебного хозяйства, на личные сбережения и т. д.²

Сам Андропов был убежденным сторонником «чистоты» социалистической идеи, вселился хорошо спланированных и осуществленных административных мер. Это и предопределило особенности инициированной им борьбы с хищениями государственной собственности, взяточничеством, спекуляцией и другими видами преступлений в сфере экономики.

Длительное время возглавляя КГБ СССР, Андропов был прекрасно осведомлен о реальном положении вещей в правящей номенклатуре и в стране в целом. Агентурные сводки сотрудников госбезопасности не оставляли сомнения в том, что коррупция как среди низового партийного, государственного аппарата, так и самых верхних эшелонов власти достигла невиданных масштабов. Следующим логическим шагом, как правило, являлась капитализа-

ция предполагаемых будущих взяток и, следовательно, продажа прибыльных должностей. Яркий пример – продажа высших партийных и государственных постов в 1970-е годы в Азербайджане: до 250 тыс. руб. за пост министра торговли³.

Снова после хрущевского наступления на взяточников и расхитителей 1961–1962 гг. кривая смертных приговоров поползла вверх. Статистика приговоренных к смертной казни в СССР свидетельствовала об ужесточении репрессий в отношении крупных расхитителей государственной собственности, валютчиков, взяточников, «теневиков». Именно на 1983 г. выпала «рекордная» цифра приговоренных к высшей мере наказания – 488 человек. Однако уже в следующем году началось постепенное снижение этого показателя: до 448 человек. В 1985 г. – до 407 человек⁴. В целом в годы перестройки произошло масштабное снижение количества вынесенных смертных приговоров, прежде всего за счет вывода из состава «расстрельных» статей Уголовного кодекса составов по экономическим преступлениям.

Приход к власти М.С. Горбачева в 1985 г. ознаменовался громкими заявлениями о неизменности линии партии и советского государства в борьбе с нарушениями социалистической законности. Его популярности среди широких слоев населения способствовало провозглашение того, что вне зоны критики отныне не будет находиться ни один из руководителей, а правосудие будет для всех беспристрастным и справедливым.

Действительно, в 1985–1988 гг. начались громкие судебные процессы и политические кампании против нарушителей социалистической законности. Так, в Узбекистане после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС были сняты со своих должностей 10 из 13 первых секретарей обкомов. Из состава партийных комитетов было выведено около 300 человек, отозвано более 200 депутатов Советов. За хищения и взяточничество к уголовной ответственности были привлечены председатель Совета министров республики, секретари республиканского ЦК партии, заместитель председателя Президиума Верховного совета, пять первых секретарей обкомов КПСС, некоторые министры. Всего в Узбекистане по статьям уголовного законодательства за взятки и хищения было осуждено более 4,5 тыс. должностных лиц⁵.

Газеты и журналы начали публиковать статьи, сообщения о громких судебных процессах по делам крупных взяточников и коррупционеров. Так, в газете «Труд» 31 декабря 1988 г. сообщалось о приговоре бывшим ответственным сотрудникам МВД СССР. «Около четырех месяцев военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала уголовное дело в отношении девяти бывших

ответственных сотрудников Министерства внутренних дел, которые обвиняются во взяточничестве в особо крупных размерах, а бывший первый заместитель министра внутренних дел СССР Ю.М. Чурбанов также и в использовании служебного положения в корыстных целях... Суд весьма скрупулезно, с глубиной проанализировал все обстоятельства дела. И вот оглашается приговор... По совокупности совершенных преступлений с учетом тяжести содеянного и данных о личности осужденных суд приговорил: Чурбанова – к 12 годам лишения свободы, Норбутаева – к 10 годам, Норова и Бегельмана – к 9 годам лишения свободы, Джамалова, Махамаджанова и Сабирова – к 8 годам лишения свободы. Всех – к отбыванию наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима, всех – с конфискацией имущества и взысканием с них в доход государства незаконно полученных в качестве взяток денежных сумм»⁶.

Правовая статистика, рассекреченная во второй половине 1980-х годов, языком цифр свидетельствовала, что Горбачев решительно продолжил курс Андропова на искоренение преступлений в экономике. Только в 1985 г. за хищения государственного и общественного имущества было осуждено 192 тыс. человек, за спекуляцию – 20,5 тыс., за обман покупателей и заказчиков – 13,6 тыс., за самогоноварение с целью сбыта – 2 тыс.⁷ Но это была скорее инерция андроповского «похода» против коррупционеров и расхитителей, нежели четкая линия Горбачева.

Последующие события показали, что союзное руководство начало прогрессирующе утрачивать контроль не только за союзными республиками, но и за процессами, происходящими в РСФСР. Наглядно это проявилось в масштабной криминализации страны. Одновременно начался быстрый рост корыстной преступности. Ежегодно росло число хищений государственного и общественного имущества. Исключение составил лишь 1987 г., когда произошло незначительное снижение количества зарегистрированных корыстных преступлений в отношении социалистической собственности (на 8,1%). В целом к 1990 г. число этого вида преступлений в сравнении с началом перестройки увеличилось до 231 158 фактов (в 2,4 раза). Уже в середине 1980-х годов следственными бригадами Генеральной прокуратуры СССР при расследовании хищений в особо крупных размерах, других хозяйственных и должностных преступлений были выявлены организованные группы расхитителей, представлявшие собой качественно новое социальное явление – организованную преступность как вполне самостоятельную управленческую систему⁸.

Своеобразная ситуация сложилась с таким видом преступлений, как растраты государственного и общественного имущества.

Официальная статистика как в целом по СССР, так и по отдельным республикам отмечала снижение зарегистрированных фактов хищений данным способом: с 97 638 преступлений в 1986 г. до 76 443 к концу 1990 г. Повсеместно, по всем республикам СССР наблюдалось неуклонное снижение официально зарегистрированных фактов хищений государственного или общественного имущества, совершенных путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением.

Однако многочисленные «сигналы с мест», которые потоком шли в секретариат Генерального секретаря ЦК КПСС, указывали на масштабную легализацию «теневого» сектора экономики в результате разрешения частнопредпринимательской и кооперативной деятельности. Именно в этот период на базе государственной собственности стали создаваться частные производственные структуры, то есть началась ранняя приватизация. Собственно хищение государственной или общественной собственности – не что иное, как тайное завладение имуществом. А переход части государственной собственности в пользование кооперативов стал совершенно узаконенным способом «увода» собственности из рук государства в частные.

Пока официальная статистика рисовала довольно радужную картину (дескать, советский чиновник стал меньше расхищать государственного имущества, стал патриотичнее и честнее, начал «перестраиваться» и работать «по-ленински»), обострялся дефицит продовольственных и промышленных товаров, росли социальная апатия и недовольство, которые стали охватывать самые различные слои населения: от простого труженика, получавшего стремительно обесценивающиеся рубли, до высшего чиновничества, лишавшегося своих номенклатурных привилегий. Государственная и партийная бюрократия устремила свои усилия на поиск путей и способов приспособления к стремительно коммерциализирующейся советской действительности.

Особенно широкие перспективы имела работа в ВЛКСМ, дававшая возможность проявить такие предпринимательские задатки, как деловитость, инициатива, готовность к риску. Прежде именно из активистов комсомола вырастали функционеры КПСС, номенклатурные работники. Позднее эти люди успешно внедрили в коммерческие структуры первых лет перестройки. Путем учредительства акционерных компаний они установили к 1992 г. контроль над более чем 600 промышленными предприятиями и 12 коммерческими банками⁹.

Яркими чертами горбачевской перестройки стали дефицит и спекуляция.

24 января 1986 г. министр торговли СССР Г.И. Ващенко представил в Совет министров СССР докладную записку «О выполнении плана развития торговли за одиннадцатую пятилетку». Из его сообщения вырисовывалась следующая картина: «Продажа продуктов животноводства... в большинстве регионов страны в истекшем году по-прежнему осуществлялась с использованием различных форм рациионирования. Не удовлетворялся спрос населения и на многие виды непродовольственных товаров... Обеспеченность розничной и оптовой торговли запасами товаров на 01.01.86 по сравнению с этой же датой прошлого года сократилась на 3 дня торговли... Ниже нормативов запасы почти всех основных продовольственных товаров, одежды, трикотажных, чулочно-носочных изделий и всех видов обуви»¹⁰.

Дефицит в свою очередь, как и в предшествующие годы, провоцировал развитие спекуляции. К концу 1980-х годов, как показывали исследования, в Москве обувь и одежду у спекулянтов покупали до 63% опрошенных¹¹.

Развернувшаяся с мая 1985 г. антиалкогольная кампания разбалансировала потребительский рынок страны. Был дан новый мощный толчок возникновению товарного дефицита и дополнительный стимул для развития спекуляции. В декабре 1987 г. новый министр торговли К.З. Терех направил в Совет министров СССР «Информацию о состоянии торговли отдельными товарами». Министр обращал внимание на то, что в 1986 г. продажа одеколona в Москве выросла в 1,5 раза, что во всех областях РСФСР установлена норма отпуска спиртосодержащих товаров и зубной пасты, реализация клея выросла более чем на 30%, жидкости для очистки стекол – на 15%¹².

Антиалкогольная кампания дала дополнительный стимул для роста нелегальной экономики и усиления организованных преступных групп. Несмотря на то что правоохранительные органы страны рапортовали о больших успехах в борьбе с самогонварением (в 1986 г. было выявлено 175 965 правонарушений, в то время как в 1984 г. – 29 733), это была всего лишь видимая часть огромной социально-экономической проблемы под названием «нелегальное производство спиртных суррогатов»¹³.

В 1990 г. органами внутренних дел было зарегистрировано 51 726 случаев спекуляции – на 14,6% больше, чем в 1989 г. С. 1961 г. их число возросло на 178,9%, а с 1986 г. – на 26,1%. Причем латентность этих преступлений была чрезвычайно высокой¹⁴.

По социальному происхождению задержанные органами внутренних дел в 1986 г. за спекуляцию распределились следующим образом: рабочие – 48,4%, служащие – 12,9%, колхозники – 3,3%,

учащиеся школ, профтехучилищ, средних специальных и высших учебных заведений – 2,6%¹⁵. В занятие спекуляцией все активнее вовлекались молодые люди. Для части молодежи спекуляция стала более привлекательным, а главное – более доходным занятием, нежели работа на государство. На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС констатировалось: «Возросла прослойка, в том числе среди молодежи, для которых цель жизни свелась к материальному благополучию, к наживе любыми способами. Их циничная позиция приобрела все более воинствующие формы, отравляла сознание окружающих, породила волну потребительства»¹⁶.

Как сообщил на II Съезде народных депутатов СССР министр внутренних дел В.В. Бакатин, за 1980–1987 гг. число руководителей, участвовавших в экономических преступлениях, увеличилось почти в 3 раза, счетно-бухгалтерских работников – в 2 раза, членов КПСС, изобличенных во взяточничестве, – на 75%, комсомольцев, задержанных за спекуляцию, – в 4 раза¹⁷.

Явился ли всплеск спекуляции при Горбачеве закономерным следствием его реформаторских начинаний, или это было случайным явлением? Возрождение кооперативного движения и разрешение индивидуально-трудовой деятельности замышлялись партийной элитой как приводные механизмы, которые способны насытить рынок потребительскими товарами, необходимыми услугами. Дополнительный приток товаров должен был решительно сократить дефицит, стабилизировать ситуацию с потребительским спросом. Эти мысли пронизывали многочисленные статьи по проблемам кооперации, появившиеся в те годы¹⁸. Однако эти пожелания так и остались в планах. Ситуация развивалась в диаметрально противоположном направлении: развитие кооперации привело к обострению серьезных противоречий в самом народном хозяйстве, расшатыванию сложившихся систем ценообразования, безналичного оборота денег, централизованного материально-технического снабжения.

Многие кооператоры использовали свободные цены, посредничество, особенности формирования, расходования и учета государственных фондов для получения максимально высоких незарегистрированных доходов посредством различных хозяйственных махинаций, в том числе «перекачиванием» денег из безналичного в наличный оборот¹⁹. Так государство постепенно утрачивало контроль за движением денежных масс.

В годы перестройки на общей волне гласности с многими тем был снят запрет. Одной из таких ранее табуированных тем стало взяточничество, с которым Советская власть так и не смогла покончить за годы своего существования. Так, согласно данным

социологического исследования, проведенного в 1988 г., наиболее распространенным источником получения нетрудовых доходов в Туркменской ССР являлась взятка (на это указали 75,4% опрошенных), затем следовал «калым» (63,6%), обман покупателей и заказчиков (61,6%), получение переплаты за дефицитные товары и услуги (60,4%), хищения социалистической собственности (51,5%), реализация наркотиков (48,2%)²⁰.

Согласно официальной статистике, в 1990 г. в СССР было зарегистрировано 4 664 факта взяточничества, что на 8,7% больше, чем в 1989 г. С 1966 г., когда был восстановлен учет взяточничества, этот показатель к началу 1980-х годов возрос на 99,4%, а с 1986 по 1990 г. сократился на 59,1%²¹. Однако от официальной регистрации в силу различных причин оказывалось скрыто около 73% различных форм хищений, от 92 до 95% фактов обмана покупателей, 98% фактов взяточничества²². Авторитетный специалист по проблемам организованной преступности А.И. Гуров в своей нашумевшей книге, увидевшей свет на исходе перестройки, приводил следующие цифры: «В 1988 году в среднем по стране совершались: каждые 32 мин. – убийство, 14 мин. – тяжкое телесное повреждение, 30 мин. – изнасилование, 41 мин. – разбой, 12 мин. – спекуляция, 6 мин. – хищение государственного и общественного имущества путем злоупотребления служебным положением. На кражу государственного имущества пришлось 3 мин., а на кражу личного – 57 секунд. Счет, как видим, пошел уже на секунды»²³.

Итак, мощное наступление на экономическую преступность в СССР, предпринятое в 1983–1984 гг. Андроповым, сменилось попытками Горбачева частично либерализовать государственную экономическую систему, допустить элементы частного предпринимательства в форме кооперативов и индивидуально-трудовой деятельности. В законах, принятых в 1986 г., акцент делался на усилении уголовной или административной ответственности за хищение государственной и общественной собственности, взяточничество, спекуляцию, самовольное использование в корыстных целях принадлежащих государству транспортных средств и т. д. Однако год от года, по мере углубления коррупционного разложения партийно-советской бюрократии, власти демонстрировали свою неспособность противостоять как общеуголовной, так и экономической преступности.

В итоге возрождение кооперативного движения привело к легализации «теневого» экономики в стране. Постепенное снятие запретов на частнопредпринимательскую деятельность обернулось тем, что государство утрачивало контроль над экономикой. После нача-

ла антиалкогольной кампании на фоне стремительного сокращения легального производства алкогольных напитков в 1985–1987 гг. в стране происходило нечто, напоминающее бутлегерство 1920-х годов в США: недостаток государственного алкоголя был компенсирован самогонварением, подпольное цеховое производство кустарного алкоголя получило мощный импульс.

К началу 1990-х годов члены организованных преступных групп получили огромные доходы за счет стихийно-неконтролируемого перераспределения государственной собственности. Держатели крупного «теневого» капитала форсировали процесс изменения форм собственности, оказывали влияние на формирование партийных аппаратов и законодательных органов в республиках, президентских структур. В целом криминальным капиталам нужно было прикрытие теперь уже официальных структур, благо многие из них уже сами искали возможности интеграции в высокодоходные сферы бизнеса.

Примечания

- 1 *Grossman G.* The “Second economy” of the USSR // *Problems of Communism*. 1977. Sept.-Oct. P. 25–40.
- 2 *Леонов Н.С.* Лиховетье. М., 1999. С. 214.
- 3 *Земцов И.* Партия или мафия: разворованная республика. Paris, 1976. С. 35.
- 4 *Михлин А.С.* Смертная казнь: вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 60.
- 5 Известия. 1989. 21 мая.
- 6 Труд. 1988. 31 дек.
- 7 Народное хозяйство СССР в 1990 году. М., 1991. С. 279.
- 8 *Волобуев А.* Криминология теряет проблему организованной преступности: Выгода обоюдна // *Изучение организованной преступности: российско-американский диалог*. М., 1997. С. 107.
- 9 *Цветков С.А., Шкруднев Ф.Д., Юзуфович Г.К.* Психология бизнеса. СПб., 1992. С. 29–32.
- 10 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 147. Д. 958. Л. 85.
- 11 Теневая экономика. М., 1991. С. 18.
- 12 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 148. Д. 950. Л. 7, 8.
- 13 См.: *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005. С. 509.
- 14 Преступность и правонарушения в СССР: Статистический сборник. М., 1991. С. 78.
- 15 Там же. С. 81.
- 16 Материалы Пленума ЦК КПСС, 27–28 января 1987 г. М., 1987. С. 12.
- 17 Известия. 1989. 23 дек.

- 18 См.: *Никифоров Л., Кузнецова Т.* Судьба кооперации в современной России // Вопросы экономики. 1995. № 1. С. 86–96; *Глушецкий А.* Кооперативная политика: итоги, противоречия, направления оптимизации // Экономические науки. 1990. № 4. С. 52–68; Тенденции развития кооперации и преграда на ее пути // Экономические науки. 1990. № 11. С. 34–40.
- 19 *Пешко Д.А., Дадалко В.А.* Механизм формирования коррупционных структур. Минск, 1994. С. 46–47.
- 20 *Ильясов Ф.З., Мухамметбердиев О.Б.* Общественное мнение о нетрудовых доходах // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 52–57.
- 21 Преступность и правонарушения в СССР. С. 83.
- 22 *Бышевский Ю., Конев А.* Латентная преступность и правосознание. Омск, 1986. С. 11.
- 23 *Гуров А.И.* Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 4.